

О.И. БЭЙДА

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ-ПЕРЕВОДЧИКИ ВЕРМАХТА НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ. 1941–1943 годы

С начала 1930-х годов в русской эмиграции шли дискуссии о грядущей войне с Советским Союзом, ее методах и средствах, о возможном участии в ней русских офицеров. Военную эмиграцию этот спор разделил на “оборонцев” и “пораженцев”. Первые считали, что в случае иностранной интервенции в любом случае надо защищать территорию России и отказываться от сотрудничества с иностранцами, которые преследуют свои интересы. Вторые были уверены, что необходимо продолжить неоконченную Гражданскую войну, использовать любую возможность для борьбы против СССР, который, как они считали, являлся не Россией, а коммунистическим Интернационалом. Наиболее четко этот конфликт мировоззрений проявился с началом Второй мировой войны, в особенности после нападения нацистской Германии на СССР.

Нападение Германии на СССР в эмиграции было воспринято по-разному. Большинство эмигрантов заняли выжидательную нейтральную позицию. “Непримиримые” эмигранты, жившие идеей реванша за поражение в Гражданской войне и свержения советского строя любой ценой, восприняли это как начало “освобождения” России от большевизма¹.

В марте 1941 г. руководством Германии была занята позиция, которая должна была исключить использование русской эмиграции в войне против Советского Союза. Нацисты считали, что интеллигенция из числа эмигрантов “не воспримется русским народом и, кроме того, она враждебна по отношению к немецкой нации”. Был и другой мотив: “Кроме того, мы ни в коем случае не должны допустить замены большевистского государства националистической Россией, которая, в конечном счете (о чем свидетельствует история), будет вновь противостоять Германии”².

30 июня 1941 г. состоялось совещание Имперского министерства иностранных дел (МИД), отдела Верховного командования вермахта (ОКВ) по зарубежным вопросам, Главного управления войск СС и Управления внешнеполитических связей НСДАП, посвященное выработке общей линии в отношении иностранных добровольцев, желавших принять участие в борьбе против СССР. Было решено заявлений от добровольцев – по национальности чехов и русских – не принимать³.

С другой стороны, германское командование на Восточном фронте остро нуждалось в переводчиках. Показателем закулисной борьбы в германском руководстве по вопросу

Бэйда Олег Игоревич – аспирант Российского государственного гуманитарного университета.

¹ Морской журнал, 1941, № 145(2); Бюллетень объединения Лейб-гвардии Московского полка, № 87; Галлиполийский вестник. 23.VI.1941; *Крикунов И.* Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М., 2005; *Baur J.* Die russische Kolonie in München 1900–1945. – Deutsch-russische Beziehungen im 20. Jahrhundert. Wiesbaden, 1998, S. 295.

² Запись в дневнике штаба оперативного руководства ОКВ о создании оккупационного режима на территории Советского Союза. 3 марта 1941 г. – 1941 год, в 2-х кн., кн. 1. М., 1998, с. 709.

³ *Förster J.* The “Crusade” Aspect. – Germany and the Second World War. V.IV. The Attack on the Soviet Union. New York, 1999, p. 1051.

использования русских антибольшевистских сил в войне против СССР была позиция офицеров германского генерального штаба, участников покушения на Гитлера⁴.

Русские эмигранты предпринимали попытки связаться с германским Верховным командованием и получить официальное разрешение принять участие в войне. 21 мая 1941 г. начальник Объединения русских воинских союзов (ОРВС)⁵ генерал-майор А.А. фон Лампе обратился с письмом к главному сухопутных сил Германии (ОКХ) генерал-фельдмаршалу В. фон Браухичу и предоставил ОРВС в распоряжение германского командования. Ответа не последовало. 4 июня 1941 г. Лампе вызвал в Берлин начальника штаба отдела ОРВС в Варшаве капитана Б.А. Смысловского и начальника Восточного отдела ОРВС генерал-майора В.А. Трусова: обсуждался вопрос участия русских эмигрантов в будущей войне на стороне Германии⁶. С началом войны Б.А. Смысловский, принявший псевдоним фон Регенау, в качестве переводчика был направлен в разведывательный отдел (Ic) штаба группы армий “Север”. В его обязанности входил сбор развединформации.

После нападения Германии на СССР Лампе повторил свое обращение, а 5 июля 1941 г. написал по тому же вопросу письмо на имя Гитлера. 1 августа на оба письма пришел ответ, гласивший, что “в настоящее время чины Объединения не могут быть применены в германской армии”. После этого Лампе приказом № 46 от 17 августа 1941 г. объявил, что каждый из чинов ОРВС отныне может действовать самостоятельно и вступать в германскую армию в индивидуальном порядке, поддерживая при этом регулярную связь. Начать создание русских воинских формирований на основе ОРВС нацисты не желали⁷.

Несмотря на нежелание военно-политического руководства рейха видеть русских эмигрантов в рядах германских вооруженных сил, документы свидетельствуют, что попытки белоэмигрантов поступить на службу в вермахт были явлением массовым. Однако попасть на Восточный фронт удавалось немногим: они не допускались на оккупированные территории без специального разрешения⁸. Для эмигрантов поступление в вермахт в качестве переводчиков было одним из немногих путей на фронт. Некоторые русские переводчики привлекались на службу уже в марте 1941 г.⁹

Русский эмигрант Л.В. Дудин впоследствии писал, что начало антисоветской борьбе в годы войны “положили русские эмигранты, бросившиеся в первые же дни войны в немецкие мобилизационные пункты, но встреченные крайне неприветливо и даже враждебно германскими властями. Отдельные лица, принятые переводчиками в немецкие части, конечно, никакой существенной роли играть не могли, и добровольческое движение заглохло надолго”¹⁰.

Трудно точно сказать, сколько всего русских эмигрантов служили переводчиками в германской армии. По состоянию на 20 мая 1943 г. Управление делами русской эмиграции в Германии, которое возглавлял генерал-майор В.В. Бискупский, направило в вермахт в качестве переводчиков около 1200 человек.

⁴ Хавкин Б.Л. Соппротивление в рядах вермахта на Восточном фронте и генерал Х. фон Тресков. – Новая и новейшая история, 2013, №1, с.161–162.

⁵ Находившийся в Германии II отдел Русского общевойскового союза (РОВС) 22 октября 1938 г. под давлением германских властей был преобразован в формально независимое ОРВС.

⁶ Дробязко С.И. Эпопея генерала Смысловского. – Материалы по истории Русского Освободительного Движения, вып. 4. М., 1999, с. 119; Семенов К.К. Берлинский узел РОВСа (1920–1945). – Ежегодник Дома русского зарубежья имени А.И. Солженицына, 2012. М., 2012, с. 39.

⁷ Гетманенко О.Д., Юшко А.А. Черная белая гвардия (о судьбе белогвардейцев-эмигрантов). – Военно-исторический журнал, 1989, № 11, с. 46; Голдин В.И. Роковой выбор. Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск – Мурманск, 2005; Цурганов Ю.С. Белоэмигранты и Вторая мировая война. Попытка реванша. 1939–1945. М., 2010, с. 99–100.

⁸ Цурганов Ю.С. Указ. соч., с. 89, 102.

⁹ Кривошеева Е.Г. Российская эмиграция накануне и в период Второй мировой войны (1936–1945 гг.). М., 2001, с. 55.

¹⁰ Дудин Л. Великий мираж. Лондон (Канада), 1970, с. 24.

Подбором переводчиков из среды белой эмиграции занимались ОКХ и абвер (германская военная разведка и контрразведка). Летом 1941 г. начальник отдела “Иностранные армии Востока” генштаба ОКХ полковник Э. Кинцель встречался с бывшими царскими офицерами. Эмигранты настойчиво советовали Кинцелю поднять вопрос о том, чтобы немецкие солдаты вели себя на территории СССР подчеркнуто корректно по отношению к местному населению. К комиссарам эмигранты также советовали относиться уважительно, считая, что при соответствующих условиях этих людей, служивших большевикам лишь из карьерных побуждений, можно будет использовать для пропаганды антисталинских идей. Кинцель эти пожелания записал, но предпринимать ничего не стал, зная, что “приказ о комиссарах”, требовавший расстреливать на месте всех пленных коммунистов, политработников и евреев, уже был утвержден¹¹.

Военные переводчики, в частности русские эмигранты, в вермахте обычно имели статус зондерфюреров, то есть гражданских специалистов, временно направленных в войска, пока армия для выполнения их обязанностей не подготовит свои кадры. Этот ранг приравнялся к офицерскому в течение времени, пока зондерфюреры выполняли свою работу, но в офицеры их не производили. Зондерфюреры носили униформу вермахта, но их можно было отличить по петлицам на воротнике и черно-красно-белым нитям на погонах¹².

Так, служившего в валлонском легионе зондерфюрера Р.В. Завадского сослуживцы называли лейтенантом, так как он исполнял обязанности переводчика на лейтенантской должности и получал денежное довольствие лейтенанта¹³. Осознавая некоторую “вторичность” положения зондерфюрера, он писал: “Эх, связали крылышки зондерфюрерскими погонами”¹⁴.

Незадолго до нападения Германии на СССР генерал Лампе приказом от 16 июня 1941 г. доводил до сведения офицеров, что 13 июня 1941 г. в городе Данциг “на специально собранном для этой цели собрании русских эмигрантов представители германской армии обратились к русским с предложением вступить добровольно в армию на должность переводчика, указывая, что в этой должности особенно желательны русские офицеры”. В приказе было сказано, что начальник VII отдела ОРВС в Данциге, ветеран Северо-Западной армии, Лейб-гвардии Финляндского полка полковник Д.И. Ходнев первым откликнулся на этот призыв. Лампе одобрил это решение и пожелал ему успеха, отметив, что ждет Ходнева обратно “здоровым и благополучным”¹⁵.

Ходнев вспоминал, что на собрание в Данциге было приглашено 25 эмигрантов. Немцы объявили, что им требуются 15 русских переводчиков, желательно из бывших офицеров, как знающих военное дело и дисциплину. Обещали хорошие материальные условия для служащих и членов их семей, но не говорили, зачем эти переводчики нужны, хотя все присутствовавшие сразу поняли, что война с СССР стоит на пороге. Пожелали принять должность 19 человек, из которых немцы взяли 17. 15 июня 1941 г. русские переводчики покинули Данциг. Бывший русский полковник в ранге зондерфюрера служил в отделе снабжения 36-й моторизованной дивизии вермахта¹⁶.

По словам Ходнева, он резко выступал против жестокой политики немцев по отношению к русскому населению. Если в Литве и Латвии немцы платили крестьянам за реквизируемый для нужд армии скот, то после перехода латвийско-русской границы отношение к населению стало иным. Русских крестьян, которые и так были в бедственном положении, немцы попросту грабили. Ходнев публично высказывал свое неодобрение в

¹¹ *Seaton A.* The Russo-German War 1941–45. New York, 1971, p. 223.

¹² *Thomas N.* The German Army 1939–45. The Eastern Front 1941–43. Men-at-Arms, № 326. Oxford, 1999, p. 10.

¹³ *Luytens D.-C.* SS Wallons. Témoignages. Paris – Bruxelles, 2010, p. 287.

¹⁴ Дневник Р.В. Завадского, с. 12. – Архив автора.

¹⁵ *Кривошеева Е.Г.* Указ. соч., с. 55.

¹⁶ *Ходнев Д.И.* Месяц в Германской Армии. – Финляндец. Осведомительный листок объединения Лейб-гвардии Финляндского полка. 1955, № 31, с. 17–21.

связи с реквизициями, пытался уговаривать, просил, доказывал – ничего не помогало. Немецкий майор фон Шайбе, служивший с Ходневым, был согласен с ним, но ничего не мог сделать из-за приказа выше, а помощник Шайбе капитан Вольф откровенно ненавидел русских (Вольф был убит партизанами в начале 1942 г.). Однажды, потеряв надежду, Ходнев воскликнул в присутствии немецких офицеров: “Бедная Россия, это будет то же, что и при большевиках”. Слова Ходнева о том, что проводимая германскими войсками политика ожесточает мирное население, не действовали. Немцы отвечали, что уже через месяц будут в Москве и Петербурге.

Противодействие, которое испытывал Ходнев, послужило одной из причин его увольнения со службы. В отдел снабжения прибыл новый зондерфюрер, молодой балтийский немец, окончивший школу переводчиков в Берлине. Штаб подтвердил, что Ходнева заменяют новым кадром. Ходневу было выдано маршевое предписание в Данциг, а также сопроводительные документы, где указывалось, что все свои обязанности он выполнял исправно и что от должности освобожден вследствие прибытия специально обученного человека. Проводили его тепло; капитан Вольф не присутствовал. В качестве подарка Ходнев привез домой черный русский хлеб. В Данциге он получил расчет, сдал казенные вещи и «снова из “долметчер (переводчика. – О.Б.) и зондерфюрера Ходманна” стал русским эмигрантом Ходневым». Из 17 русских переводчиков, выехавших на фронт вместе с Ходневым, вернулись 3, было ранено 6, пропали без вести 2, оставались в армии продолжительное время 6, из которых 2 были награждены Железными крестами¹⁷.

Среди бывших бойцов бывшей белой Северо-Западной армии, поступивших на службу в вермахт, был С.А. Алякритский. Он родился 6 сентября 1896 г. в Санкт-Петербурге, добровольцем вступил в русскую армию, участвовал в Первой мировой войне, за боевые отличия был произведен в чин поручика. В Гражданскую войну служил в Северо-Западной армии, позже в 3-й Русской армии генерала Врангеля, формировавшейся в Польше. После заключения в 1921 г. польско-советского мира проживал в Данциге. Во время Второй мировой войны служил переводчиком в вермахте. После войны проживал в Западной Германии, принимал участие в жизни русской колонии, был председателем Союза Георгиевских кавалеров в ФРГ. Умер 15 ноября 1972 г. в Мюнхене¹⁸.

Много переводчиков-эмигрантов служило в 9-й армии вермахта. Наиболее известен среди них зондерфюрер Б.Н. Карцев. Он родился в 1897 г. в селе Ивановское Ярославской губернии, до эмиграции жил в Петербурге на Васильевском острове. Карцев состоял переводчиком разведывательного отдела (Ic) штаба 9-й армии, был личным переводчиком командующего армией генерал-полковника А. Штраусса.

Переводчиков вербовали среди эмигрантов, имевших немецкое гражданство. С этой целью Карцев ездил в Берлин, откуда привез 110 человек, распределенных по частям 9-й армии. Среди них был А. Заустинский, уроженец Петербурга, проживавший до войны в Париже, где у него был свой продуктовый магазин¹⁹.

К 24 августа 1941 г. в Велиже (северо-восточнее Витебска) на базе 9-й моторизованной роты капитана Г. Титьена (18-й пехотный полк 6-й пехотной дивизии, входившей в VI армейский корпус 9-й армии) из русских эмигрантов-добровольцев и советских военнопленных была сформирована штурмовая группа “Белый крест”. Ее командиром был выпускник Николаевского кавалерийского училища и чин РОВС ротмистр А.П. Заусцинский (Заустинский). К декабрю 1941 г. группа разрослась до

¹⁷ Там же, 1955, № 32; 1956, № 33.

¹⁸ *Зирин С.Г.* Объединения и судьбы северо-западников на чужбине. – Белое движение на Северо-Западе и судьбы его участников. Псков, 2004, с. 121; Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999, в 6-ти т., т. 1. М., 1999, с. 70; Незабываемые могилы. – Часовой, 1973, № 559(1), с. 20.

¹⁹ В исследовании Е.С. Федорова сказано, что Карцев был немцем по национальности и носил дворянскую приставку “фон”, однако эти данные не подтверждаются другими источниками. – *Федоров Е.С.* Правда о военном Ржеве: документы и факты. Ржев, 1995, с. 48, 49.

батальона и на стороне немцев участвовала в кровопролитных боях за Ржев²⁰. В апреле 1942 г. начальник разведывательного отдела 9-й армии подполковник Шлипер провел в Ржеве совещание начальников разведотделов корпусов и дивизий 9-й армии, а также I, II и III отделов абвера. Карцев на совещании выступил с докладом “О положении переводчиков и их недокомплекте”²¹. Впоследствии Карцев служил в XV казачьем кавалерийском корпусе СС, в 3-й пластунской дивизии (бывшая отдельная пластунская бригада им. полковника И.Н. Кононова), где занимал должность переводчика и начальника разведотдела; был адъютантом Кононова. Репатриации в СССР весной – летом 1945 г. избежал²².

Один из членов правления Пражского общества галлиполийцев подпоручик М.А. Губанов служил в 129-й пехотной дивизии до апреля 1942 г., когда получил тяжелое ранение и был демобилизован. Он прибыл на фронт с группой эмигрантов из 8 человек. Среди них были: войсковой старшина Роговской (бывший командир лейб-казачьей сотни генерала П.Н. Врангеля, в Ледяном походе – адъютант генерала А.П. Богаевского); штабс-капитан Червяков (чин Алексеевского пехотного полка, галлиполиец); поручик Замотин (чин 14-го гусарского Митавского полка); корнет Лосев (чин 11-го гусарского Изюмского полка, галлиполиец); гардемарин Шебалин (в Гражданскую войну служил в Талабском полку армии генерала Н.Н. Юденича). Среди них были также прапорщик Первой мировой войны, латыш по национальности; юрист из Берлина и студент-юрист из Варшавы по фамилии Арсеньев.

Губанов был лично знаком с Б.Н. Карцевым, называл последнего племянником галлиполийца, генерал-лейтенанта В.А. Карцова. Карцев сообщал Губанову, что до апреля 1942 г. в 9-й армии вермахта “не было ни одного переводчика не эмигранта”. Две трети переводчиков были участниками белых армий, одна треть – эмигрантская молодежь; галлиполийцев было около 40%. По словам Карцева за первые 100 дней войны, к 1 октября 1941 г., было убито 28 переводчиков. Первые потери среди убывших на фронт переводчиков относятся к августу 1941 г. В приказе по ОРВС за № 48 от 27 сентября 1941 г. сообщается о смерти 10 августа под Рославлем вольноопределяющегося (по ОРВС) переводчика В.Г. Новицкого, состоявшего в Восточном отделе. Новицкий был назван “первой жертвой объединения в возобновившейся борьбе против коммунистов, захвативших Россию”²³. По словам Губанова, общее количество переводчиков 9-й армии до октября 1941 г. не превышало 120 человек, среди них были и раненые, которые вернулись в строй. Каждую неделю приходило пополнение 10–15 человек²⁴.

Губанов писал, что процент галлиполийцев, служивших в годы Второй мировой войны переводчиками в вермахте, был значителен. «Многие переводчики-галлиполийцы (я в том числе) носили на мундире галлиполийский крест – и этот “железный крест Врангелевской армии” внушал всем уважение»²⁵.

Служили у немцев и члены российской императорской фамилии. Герцог С.Н. Лейхтербергский, уроженец Петербурга, родственник царя Николая II и племянник итальянской королевы, инженер-химик, владевший русским, немецким, итальянским и английским языками, руководил отделом пропаганды, а также был переводчиком театра ржевской комендатуры²⁶.

²⁰ Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945. М., 2009, с. 89.

²¹ Федоров Е.С. Указ. соч., с. 48, 49, 200.

²² Александров К.М. Армия генерала Власова 1944–1945. М., 2006, с. 472; *его же*. Офицерский корпус..., с. 499, 509, 988.

²³ Голдин В.И. Роковой выбор, с. 195; Семенов К.К. Берлинский узел РОВСа (1920–1945), с. 40.

²⁴ Перекличка. Орган связи белых воинов в С.А.С.Ш-х, 15.XI.1952, № 19, с. 5.

²⁵ Там же, с. 6.

²⁶ Гончаренко О.Г. Изгнанная армия. Полвека военной эмиграции. 1920–1970 гг. М., 2012, с. 279.

Переводчиком в 9-й армии служил И.И. Стеблин-Каменский, который родился 31 октября 1895 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян, сын тайного советника, брат ученого-скандинависта М.И. Стеблин-Каменского. С 1914 г. – в Морском корпусе; мичман Черноморской минной бригады. В 1920 г. эвакуировался с российским флотом из Крыма в Бизерту. В эмиграции во Франции работал в Париже таксистом. С 1941 г. – переводчик разведотдела 206-й пехотной дивизии; вел разведывательную работу среди гражданского населения. Находясь под Смоленском, 26 июня 1944 г. (по другим данным, в августе 1944 г.) застрелился²⁷.

Русские участники Гражданской войны в Испании, сражавшиеся на стороне Франко, также шли добровольно воевать против СССР. В 1941 г. они, в качестве переводчиков “Толубой дивизии” (250-й испанской), отправились на германо-советский фронт. В.Е. Кривошея был кадетом Полтавского корпуса. В годы Гражданской войны в России в качестве унтер-офицера служил в Марковском артиллерийском дивизионе. Был в Галлиполи. В эмиграции вступил во Французский иностранный легион и прослужил там 5 лет. В годы Гражданской войны в Испании воевал на стороне Франко. Затем служил в испанском иностранном легионе. В 1941 г. с “Толубой дивизией” убыл на Восточный фронт; служил в качестве переводчика при штабе до осени 1943 г., пока испанцев не вернули домой. После войны жил в Испании, где в сентябре 1964 г. погиб от несчастного случая²⁸.

В “Дневнике коллаборантки” Л. Осиповой в записи от 1 ноября 1941 г. русские эмигранты-переводчики характеризуются таким образом: «Познакомилась с настоящим “белым”. Бывший морской офицер. Воспитанный, упитанный, вымытый и нестерпимо и по нашим масштабам утрированно вежливый [...] Работает переводчиком у немцев». Запись от 8 ноября 1941 г. гласит, что большинство переводчиков – “страшная сволочь, которая только дорожит своим пайком и старается сорвать с населения все что только возможно, а часто даже и то, что невозможно. А население целиком у них в руках”²⁹.

Эмигранты служили переводчиками и в лагерях для советских военнопленных³⁰. Были среди эмигрантов и лагерные врачи. Печальный пример бесчеловечного отношения описал бывший военнопленный М.А. Лазута: «Приехал врач, русский эмигрант, объявили идти к нему с любыми жалобами. Пошел и я – отказали у меня ноги, особенно правая нога распухла. Я снял рубашку, он кричит: “Что, сталинские отборные соколы, попали. Не приходи ко мне, у тебя вши. Советскую власть надо вам!”. Говорит палачу: “Дай ему 25 плеток”»³¹.

Но были и примеры иного рода. Военнопленный Ю.В. Владимиров вспоминал об особой команде в лагере “шталаг IV-Б”. Эта команда занималась выявлением советской агентуры, вела антисоветскую пропаганду, проверяла картотеки военнопленных. Возглавлял ее немец, а вот его помощником был “одетый в черное пальто, костюм с белой рубашкой и галстуком пожилой русский эмигрант – то ли граф, то ли князь, фамилию которого я так и не узнал. Этот человек был очень интеллигентным и хорошо относился к соотечественникам, хотя разговаривал с ними мало”³².

Как русские эмигранты, служившие на фронте, восприняли преступления, совершенные немцами и их сателлитами на оккупированной территории? Часть эмигрантов

²⁷ Волков С.В. *Офицеры флота и морского ведомства: опыт мартиролога*. М., 2004, с. 455; Стеблин-Каменский М.И. Из записных книжек (1958–1981). СПб., 2009, с. 16, 342; Федоров Е.С. Указ. соч., с. 122.

²⁸ Яремчук 2-й А.П. *Русские добровольцы в Испании. 1936–1939*. Сан-Франциско, 1983, с. 369; Julia X. M. *La División Azul. Sangre española en Rusia, 1941–1945*. Barcelona, 2005, p. 400.

²⁹ Осипова Л. *Дневник коллаборантки*. – “Свершилось. Пришли немцы!”. Идейный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. М., 2012, с. 89, 92.

³⁰ Кромияди К.Г. “За землю, за волю!”. Воспоминания соратника генерала Власова. М., 2011, с. 28–59.

³¹ Живая память. Сборник писем бывших советских военнопленных. М., 2005, с. 51.

³² Владимиров Ю.В. *Как я был в немецком плену*. М., 2007, с. 216.

видела, что собой представлял “новый порядок”: среди них был ездивший по оккупированным территориям с инспекционными целями зондерфюрер Е.Л. Кумминг, оставивший подробный отчет³³. Некоторых увиденное шокировало и надламывало психологически³⁴. Кто-то под влиянием увиденного перешел на другую сторону: один из князей Мещерских в первые месяцы войны добровольно отправился из Франции на фронт в качестве переводчика, однако скоро бросил службу, вернулся во Францию и вступил в подпольную организацию Сопrotивления, где проявил себя и был отмечен высокими французскими наградами³⁵.

Принимая факты совершенных преступлений как безусловные, стоит помнить, что эмигранты не были сконцентрированы в одной воинской части, а разбросаны по всему фронту, условия службы могли различаться, поэтому целостное представление об оккупационном режиме вряд ли было.

Тема белоэмигрантов-переводчиков в вермахте затрагивалась в советской печати. 30 марта 1942 г. было опубликовано сообщение Иоанна Соколова, священника города Старицы. Соколов рассказывал о своей беседе с бывшим офицером русской армии, белоэмигрантом-переводчиком, который спросил, доволен ли отец Иоанн приходом немцев и избавлением от большевистской власти. В ответ на этот вопрос священник сказал: “Я – русский душой и телом и потому не мог бы радоваться поражению своей армии и порабощению ее народа; скажу откровенно, что не со слезами радости, а со слезами скорби встречают вас русские люди, любящие свою родину”. Эмигрант ответил, что понимает его и вполне разделяет его скорбь. На вопрос священника: “А вы-то довольны разлукой с родиной и своим положением?”, переводчик сказал: “Я охотно сменил бы этот мундир на русский”³⁶.

27 июня 1942 г. в соответствии с “однозначным приказом фюрера”, “использование русских эмигрантов в вермахте для борьбы на Востоке” было запрещено, и отправка русских офицеров-эмигрантов на фронт прекратилась³⁷. 18 августа 1942 г. была выпущена подписанная Гитлером директива № 46 “Об усилении борьбы с бесчинствами банд на Востоке”, в которой, помимо прочего, еще раз запрещалось применение “эмигрантов или лидеров старой интеллигенции” в немецкой армии, после чего началась демобилизация эмигрантов³⁸. Демобилизовали не всех, но многих. Зачастую это зависело от ряда факторов: от гражданства эмигранта; от того, как он проявил себя в работе; от лояльности нацистскому режиму; от положения дел в конкретной воинской части, от отношения командования “на местах” к директивам “сверху”.

В июне 1943 г. генерал-фельдмаршал В. Кейтель отмечал, что на Восточном фронте в группе армий “Центр” “эмигранты, которые начинали как переводчики, достигли важных постов, но мы их вышвырнули”³⁹.

Конечные цели нацистов и белых эмигрантов, надевших немецкую форму, были разными. Почему же бывшие белогвардейцы в 1941 г. пошли служить немцам?

³³ Bericht des Sonderführers im Offiziersrang E. Kummig über seine im Auftrage des Oberkommandos des Heeres. Generalstabes des Heeres Oberquartiermeister IV. Abteilung Fremde Heere Ost (II o), 9.12.41. T-1021. – German Documents Among the War Crimes Records of the Judge Advocate Division, Headquarters, United States Army, Europe, 1967, № 000–21–22.

³⁴ Восемь лет. – Наша страна, 18.IX.1948, с. 1, 2; *Войцеховский С.Л.* Венки на могилу Л.Н. Туган-Барановского. – Наша страна. 5.VI.1954, с. 7.

³⁵ “Сопrotивляйтесь!”. – Между Россией и Сталиным: российская эмиграция и Вторая мировая война. М., 2004, с. 162.

³⁶ Мой разговор с белогвардейцем (сообщение священника г. Старицы Иоанна Соколова). – Правда о религии в России. М., 1942, с. 427–428.

³⁷ *Hoffmann J.* Deutsche und Kalmyken: 1942 bis 1945. Freiburg, 1974, S. 98.

³⁸ *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М., 2004, с. 88, 354; *Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939–1945.* Koblenz, 1983, S. 201–205.

³⁹ *Hitler and His Generals: Military Conferences 1942–1945. The First Complete Stenographic Record of the Military Situation Conferences, from Stalingrad to Berlin.* New York, 2003, p. 162.

Историк Ю.С. Цурганов дал такой ответ на этот вопрос: “К июню 1941 года Гитлер и нацисты еще не успели совершить большей части своих преступлений и не воспринимались мировым общественным мнением в качестве единицы измерения абсолютного зла”⁴⁰.

Противоречие между тем, что русские эмигранты ждали от войны Германии против Советского Союза продолжения Гражданской войны с целью освобождения России от коммунизма, а стали соучастниками немецкого колониального похода за жизненным пространством на Востоке, определило двойственность положения эмигрантов, сотрудничавших с вермахтом.

⁴⁰ Цурганов Ю.С. История антибольшевистской эмиграции в годы Второй мировой войны в документах Государственного архива Российской Федерации. – Труды II международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина. Белград, 10–14 сентября 2011 г. СПб., 2012, с. 291.